

Михаил Федотов: «Падение Берлинской стены означало и модернизацию России»

Каждый раз приходя в Горбачев-Фонд, я имею счастье видеть Михаила Сергеевича и окунуться снова в атмосферу времен перестройки. Это были счастливые дни, счастливые годы. И встретить здесь своих единомышленников – это редкое удовольствие, редкое счастье

Для меня была очень важна и тема сегодняшней конференции. Так случилось, что пять лет назад я был в Берлине, когда отмечалось 20-летие падения Берлинской стены. И в той многотысячной толпе у Бранденбургских ворот, которая стояла вечером под проливным дождем, был и я. Я шел через эту толпу и слышал, наверное, все языки Европы, в том числе и русский язык. Мы все были там, все были едины, все чувствовали, что мы одна большая Европа. Одна большая Европа собралась там, на этой огромной площади. Подчеркиваю: под проливным дождем. У кого-то были зонтики. У меня зонтика не было. Но никто не уходил.

Это чувство единства Европы там было в максимальной консистенции. И там чувствовалось, что та Стена, которая рухнула, разделяла не Берлин и не Германию. Она разделяла Европу и мир. Она разделяла планету на два мира, на два противоборствующих лагеря. И она была символом этого разделения.

Помню, как я впервые в жизни выезжал из Советского Союза в Польшу и был потрясен, когда увидел все эти ряды колючей проволоки на границе. Моя мама, с которой мы вместе ехали, сказала: «Чтобы ты понимал, что мы въезжаем в социалистический лагерь». Это точно.

Падение Стены означало возможность не просто конвергенции, а возможность перемешивания народов и людей.

Я помню свой диалог с Григорием Алексеевичем Явлинским. Я ему говорил: для того, чтобы получить хороший суп, нужно его все время перемешивать. А если вы не будете перемешивать, а будете, наоборот, ставить заслонку, перегородку внутри кастрюли, у вас ничего не получится. Нельзя в одной части сварить лучший суп.

М.С. Горбачев. Надо, чтобы там было что перемешивать.

М.А. Федотов. Тот общий суп, который появился благодаря падению Берлинской стены, надо было перемешивать. И это перемешивание началось. Действительно этот процесс пошел. И этот процесс сопровождался уплотнением трансграничных социальных связей. А это, следовательно, означает и рост человеческого капитала.

Падение Берлинской стены означало и модернизацию России, модернизацию и вестернизацию страны, открывало путь к этому за счет именно этого перемешивания. И этому способствовало еще и в последующем появление Интернета. Интернет всех нас превратил в одну большую электронную деревню. Сегодня для того, чтобы связаться с человеком, который тебя интересует и который находится в другой части планеты, не нужно никуда ехать, кричать в телефонную трубку. Достаточно подключить компьютер к Интернету – и все. Это может сделать и ребенок, и человек пожилого возраста. Все доступно. Контакты между людьми стали абсолютно легкими, мгновенными. Это все открывало прекрасные перспективы.

Но, к сожалению, в каждой войне бывают свои инвалиды. В холодной войне тоже были свои инвалиды. И эти инвалиды, как во всякой войне, есть по обе стороны противостояния. Я этих людей достаточно часто встречал и в нашей стране, и за рубежом. Я их так всегда и называл: инвалиды холодной войны. То есть люди, которые впитали холодную войну в ходе этого противостояния и продолжают жить и мыслить категориями холодной войны. А это значит категории «мы и они». А это значит линия разделения, а это значит стена.

Сейчас мы наблюдаем попытки создания новых стен. Бетонная стена строится на Украине. Очень смешная сейчас появилась шутка на Украине. Мне вчера ее рассказали. Что у нас на Украине хорошо? Проект называется «Стена», но строим мы почему-то не стену, а копаем рвы. Это очень в нашем духе.

Появляются стены и экономические – санкции и антисанкции. Я сразу вспоминаю анекдот про двух ковбоев, которые на спор ели всякую гадость. Доллары не заработали, а гадости наелись. И дальше они едут по прерии и думают: а зачем? История с санкциями – это то же самое. Это экономическая стена, которая ничего хорошего не несет.

Информационные стены. Пожалуйста, недавний закон об ограничении 20-процентными иностранных инвестиций в средствах массовой информации. В чистом виде попытка построить информационную стену. Зачем? Смысла никакого. Закон абсолютно бессмысленный. Обходится в два счета. Зачем это делать? Кроме того, что это провоцирует правовой нигилизм – больше ничего. И создает ощущение строительства стены. Стена-то, оказывается, липовая. Это паутинка, а не стена.

Коммуникационные стены тоже строятся. Сейчас есть очень большая опасность сегментирования Интернета. Мы это видим. Я про это писал несколько лет назад в своей статье как раз о концепции Cyberspace Law. И предупреждал об этой опасности – сегментирование Интернета, когда вместо огромного Мирового океана мы получаем национальные озера или болота – где как, где что получится.

При этом все делается для того и все делается так, что эти стены делаются бессмысленно, безалаберно. Получается так, что эти стены часто ставят себе на ноги. Очередная попытка такого заборостроительного плана – это отмена Форума «Петербургский диалог», о котором здесь Михаил Сергеевич уже говорил. Он должен был состояться в Сочи в конце октября. Мне очень обидно, что он сорвался. Потому что у истоков этого форума стоял Михаил Сергеевич Горбачев. Вы были его первым председателем, вы были инициатором, вы были движущей силой этого процесса.

Горбачев. Идея принадлежит Шрёдеру и Путину. А мы дальше были теми, кто выполнял.

Федотов. Михаил Сергеевич, я понимаю Вашу скромность.

Горбачев. Это точно. Немецкие друзья подтвердят. Но мы не манкуртами были.

Федотов. Конечно. Что стало причиной отмены этого форума? Формальной причиной стало письмо представителей пяти немецких некоммерческих организаций, которое было датировано 2 октября 14-го года. Оно было направлено Ангеле Меркель и министру иностранных дел Штайнмайеру.

У меня есть текст этого письма. Я хочу обратить внимание на некоторые пассажи из этого документа. Что пишут эти уважаемые люди, многих из которых я просто знаю. Во всяком случае один из первых, подписавших этот документ, Штефан Мелле. Я его считаю своим другом. Честно скажу, я очень обиделся, что узнал об этом письме не от него. Мог бы позвонить и сказать: Михаил, мы тут такое письмо готовим. Как ты считаешь, что ты думаешь? Давайте обсуждать. Если мы друзья, так не делают за спиной. Это просто не по-товарищески.

Что же они пишут? «Будучи лицами, на протяжении многих лет интенсивно работающими в рамках диалога с Россией на уровне гражданских обществ, мы обращаемся к вам с целью объяснить, почему мы не можем принять участие в заседании Форума "Петербургский диалог" нынешнего года. Одновременно мы хотели бы выступить за обновление "Петербургского диалога"».

Если бы этому письму не предшествовала очень большая дискуссия внутри немецкого политического класса по поводу «Петербургского диалога», то можно было бы сказать, что это для нас абсолютное удивление. Но абсолютного удивления не получилось. Потому что все шло к этому. Вокруг «Петербургского диалога» есть очень

большой внутренний конфликт. Не конфликт между Россией и Германией. Давайте не будем здесь впадать в эту ошибку. Конфликт внутри Германии. Это внутригерманская политическая тема.

Я бы обратил внимание на то, что здесь в конце говорится: «Мы хотели бы подчеркнуть нашу готовность содействовать реформе "Петербургского диалога" в плане его организации, содержания и персоналий». Я думаю, что именно в персоналиях и главная проблема. Кто-то кого-то хочет подвинуть.

Мне кажется, что «Петербургский диалог» - такой важный формат, который не должен стать жертвой каких-то чисто личных претензий, личных амбиций. Это очень опасная вещь.

Поэтому, мне кажется, мы должны сделать все, чтобы все-таки сохранить «Петербургский диалог». И в этом смысле очень показательным, что спустя несколько дней появилось второе письмо в тот же адрес – в адрес Ангеле Меркель и Франка-Вальтера Штайнмайера – в поддержку «Петербургского диалога», с призывом сохранить «Петербургский диалог» и не дать ему погибнуть. Это письмо подписали представители уже значительно большего числа организаций – и немецких, и российских. Я назову только некоторые фамилии. Это Анна Хофинга – ответственный секретарь и инициатор Германо-Российского Социального Форума, Томас Машке – соучредитель Германо-Российского Социального Форума (я только немецких назову, если позволите), доктор Андре Аритигер – Союз рабочих-самаритян, Хельмут Домке – «Западно-восточные встречи», Мартин Кумер, Томас Краус – участник Германо-Российского Социального Форума и представитель общества, занимающегося проблемами людей с инвалидностью, Герт Хойзер и т.д.

И российские участники, в том числе члены российской части рабочей группы «Гражданское общество», которое я имею честь как раз возглавлять с российской стороны. Это Елизавета Глинка, Елена Тополева-Солдунова, Андрей Юров и т.д.

Мы стараемся сохранить этот формат, сохранить этот диалог. И, кстати говоря, в первом письме об этом сказано, что диалог очень важен в период, когда есть проблемы. Как раз сейчас у нас есть проблемы - но мы закрываем диалог. Это бессмысленно. Здесь есть какая-то грубая ошибка, на мой взгляд.

Конечно, я бы обратил внимание на те слова, которые были в первом письме. Честно говоря, я даже удивился, когда это прочитал. Здесь написано: «Представители независимых организаций гражданского общества, приглашаемые на заседание Форума "Петербургский диалог" с российской стороны, ввиду их подверженности политическим и юридическим угрозам не в состоянии свободно принять решение относительно своего участия. Если они не воспользуются приглашением, им надо будет опасаться дальнейших репрессий».

Если бы это написали какие-то люди, которые в этом вообще никак не участвуют, не знают этих людей, которые участвуют в рабочей группе «Петербургского диалога», можно было бы сказать: мы начитались газет, мы написали такую глупость. Но это же люди, которые знают всех, знают эти организации, знают этих людей, которые возглавляют эти организации. И тот же «Мемориал», и те же «Солдатские матери», и то же молодежное правозащитное движение и т.д. и т.д. и т.д.

Но должен сказать, что у нас есть опыт разрушения стен. Стены воздвигают, но, тем не менее, стены рушатся. И мы знаем, как их рушить. И мы сделаем все для того, чтобы стен не было, а народы и люди перемешивались.

Виктор Шейнис. Михаил Александрович, мой вопрос распадается на две достаточно короткие части. Первая часть – физические Стены. Одна из тех физических Стен, которые, к сожалению, не дают воздвигнуть Украине, - это Стена против российской агрессии. Это Стена, которая должна бы ограничить проникновение так

называемых «вежливых» людей, ополченцев и всякого рода людей, которых, к сожалению, сейчас хоронят на кладбище. Военные техники, которые в обилие приходят на Украину. Вы против такой Стены, или такая Стена, вообще говоря, была бы полезна? Это первое.

И второй. Стена интеллектуальная, моральная. Я не имею чести быть участником Форума «Петербургский диалог» и не знаю его участников. Но разве Вы не видите, какую волну поднимает российское телевидение? И разве прежде всего не следует ли остановить эту волну? И что касается репрессий, то у нас перед глазами свежий пример, когда (может быть, это эпизодическое явление) известный русский историк, профессор Зубов, по сути дела, получил запрет на профессию и невозможность обращаться к студентам, выступать где бы то ни было, не только в официальном МГИМО, но где бы то ни было с изложением другой точки зрения по событиям в Украине.

Федотов. Уважаемый Виктор Леонидович! Начну с конца. Что касается профессора Зубова, то Вы знаете позицию Совета по правам человека по поводу истории его увольнения. Если помните, нам удалось добиться его восстановления. Приказ был отменен. Но контракт не продлен.

Теперь что касается участников «Петербургского диалога». Я вам просто назову эти фамилии: Елизавета Глинка, Даниил Дондурей, Елена Ковалевская, Ида Куклина, Яна Лантратова, Валентина Мельникова, Андрей Сорокин, Елена Тополева-Солдунова, Валентина Череватенко, Андрей Юров, Лев Якобсон.

Я думаю, вы знаете, если не всех, то почти всех.

Что касается Стен. Я считаю, что Стены ничего не укрепляют. Стены между государствами должны строиться не с помощью бетона, а с помощью норм международного права. И тогда все будет нормально. Только так можно построить нормальные Стены. Иначе это будет то же самое. Эти Стены проходимы, к сожалению. Бетонные стены проходимы. А Стены международного права гораздо крепче должны быть.

Андрей Рябов. Михаил Александрович изложил свою концепцию, свое видение, согласно которым, судя по всему, это движение по строительству Стен, если я вас корректно понял, носит, скорее инерционный характер. И второе, что эти Стены, в значительной степени являясь искусственными, не могут, тем не менее, служить каким-то серьезным препятствием для продолжения и развития процессов, начало которым было положено в конце 80-х годов, в том числе и в результате падения Берлинской стены.

А теперь позвольте мне передать слово следующему нашему спикеру – господину Михаэлю Хану.